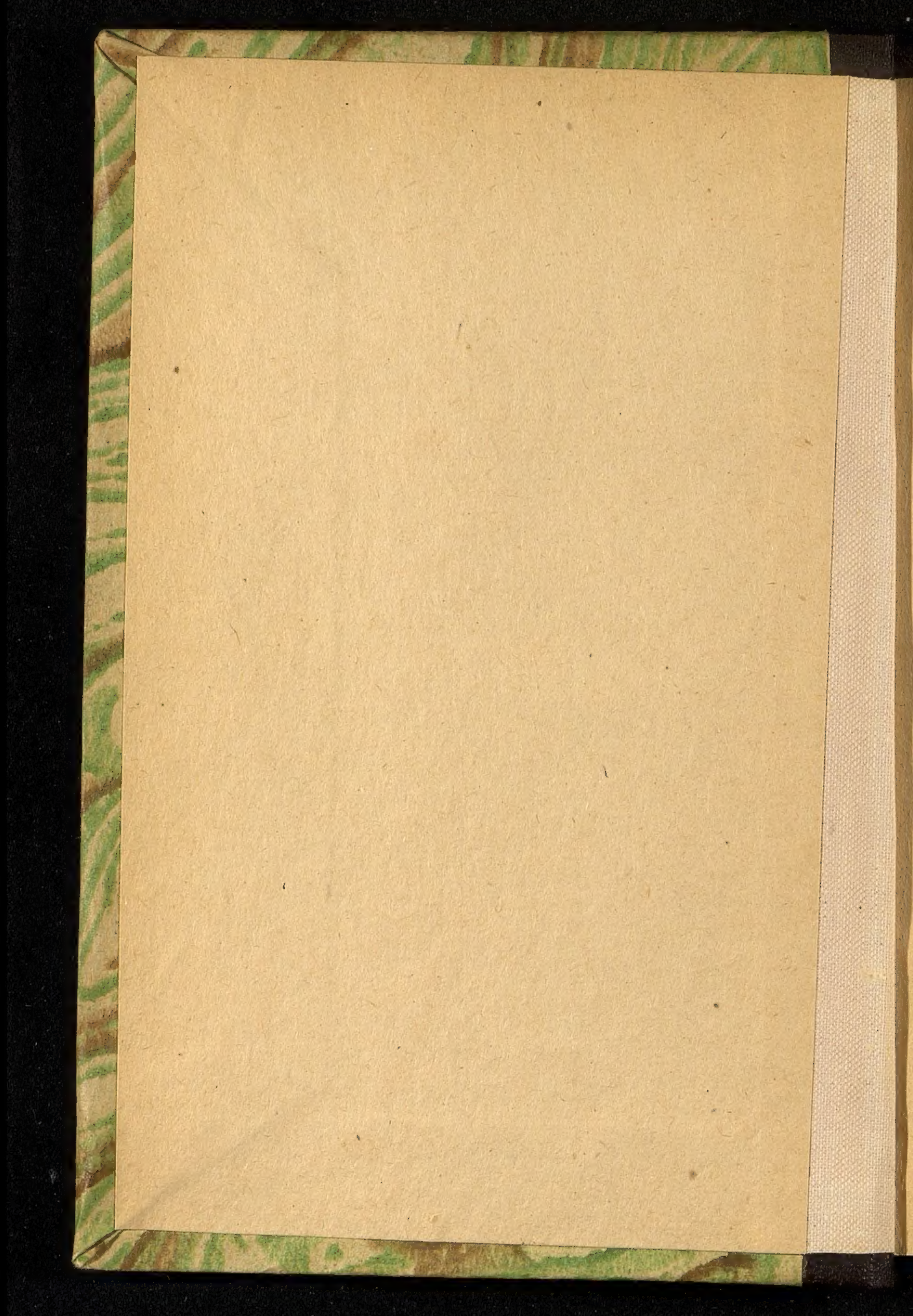

СОФЬЯ ФЕДОРЧЕНКО

НАРОД НА ВОЙНЕ
РЕВОЛЮЦИЯ

МОСКВА

1925 г.

НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ

СОФЬЯ ФЕДОРЧЕНКО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II-Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
МОСКВА 1925

СОФЬЯ ФЕДОРЧЕНКО

НАРОД НА ВОЙНЕ

ТОМ II-й

РЕВОЛЮЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
МОСКВА 1925

Отпечатано в Тверской
Гостипографии
им. Карла Маркса
Главлит № 29432
Тираж 6.000

О ЦАРЕ, О РАСПУТИНЕ

Был Петр царь жестокий,
ростом высок, нравом яростен,
по всему свету кружил,
водку глушил,
скоморохом жил,
ни ему никто, ни он никому.
Удержу не знал,
крестьян нагноил—нагнал,
что со всех сторон,
и от густых лесов,
и от великих снегов,
и от черных полей,
еще и от вольных степей.
Крестьян сбил,
крестьян загубил,—
на вот тебе, люд, топор да сети,
будешь ты, люд, в болоте по плечи сидети,
пни корчевать,
горе горевать,

стомленные твои плечи
лютый кат станет сечи,
от тебя ни дыху, ни оху не стану слушать,
пока под город болото не просушишь.
Как первые работнички дно костьми умостили,
Петрово болото умельчили,
другие работнички рядом слегли,
да так долгие дни.
Умостил Петр костями болото,
повелел на тех костях помосты работать,
сверх помостов велел город ставить,
да тот город своим имем славить.
Вот и восстал Петров город
на великое народное горе.
И стали в том городе не жить, а мучиться,
от всяких болячек пучиться,
на каждый на дых
кашель да чих,
глаз слезит,
душа скорбит,
на солнце туманы,
на радости опаска.
А конец тому делу в новые года,
в молодые дела,
как в эти года,
пришел народ туда,
да не царским приказом,
а своею охотой,
пришел царю отмстить,

не болота мостить.
Заплатят царю,
увидит тот город новую зарю.
Так тем концом и кончится.

Говорят, плакал будто царь-то, как сымали. „Что я“,—говорит, „теперь делать стану. Ничему то, окромя царствовать я не обучен“.

За границу нам царя пускать нельзя, у него там сватья—зятья. Выплачет подмогу,—опять воевать. А нам некогда.

Царица то, уж как нежна, а всякими бабьими словами заругалась. Только на нее депутат как цыкнет,-она и собралась.

Дети у них балованные, носа сами не утрут, теперь туго будет.

Видно не по времени теперь цари. Все разом,—ах, ненадобен, и не стало царя.

За стенами в красных палатах жили, народу царя словно икону показывали. Так на нем ни пятнышка не приметить было. А теперь война то его под самый нам нос подсунула, на, мол, крестьяне, смотри, что это за чучелок воробьиный ото всякого ветру рукавом машет. А куда нам такой.

Год который воевал,
царю славы добывал,
да от той от славы
крестьянство ослабло.

Год, который воевал
царю славы добывал,
а царь славы не сберег,
. . . . , да убег.

Царя сняли, ха, уж коли господь попустил, так нам не противиться, мы покорные . . .

Царя сняли, теперь бы попа снять. Одним корнем соки тянули. Я то не грозен, и даже прежде думать так не умел. А теперь велели думать, сам себе голова, вот и такая дума не страшна.

Заплакали бабушки,
сняли царя батюшку,
возрадовались девицы,
станут каждая царицей.

Господа благодаря
сняли батюшку царя,
погоди, господь, немного,
и тебе туда дорога.

Месиво замесили,
царя старого сместили,
эх, люли-люли-люли,
затрусились короли.

Как на царскоем на троне,
замест сокола ворона,
мы вороны не взлюбили,
совсем царя отменили.

И где ж это, братцы, царски оберегатели подевались. Бывало через всю Россию с медалями пеньков понаставлено, как царю куда дорога лежала. Да без корня то и пень не опора.

Забежала к нам собака
шелудивая,
говорила нам словечки
неправдивые.

Говорила она зря
словечками бойкими,
будто быть нам без царя
сиротами горькими.

Мутят нас, работает враг, царя, вон, жалеют. Он, мол, хотел, да другие, будто, не позволяли. Ишь ты, какой младеньчик. Ему не позволишь.... Он у народа то, почитай, лет сорок, на шее сидел, вот и отвык на свои то ноги становиться. Ничего, коли времени дадут, выучится.

Царь, говорит, это дуб большой, ветвистый. Ветки те,-министры, да князья разные управляющие. Дуб-то свернете, обломятся и ветки, люди нужные, да большие. А тот ему:—с корнем дуб тот выкоречевать, ни желудя не оставить. Оплел корнями землю, последние соки тянул. А ветками солнца лишал. Ненадобен нам дуб такой и ветки его гибельные. Свое взростим.

Как царевые хоромы
развалилися,
по всему по свету громы
раскатилися.

——

Как не жалко нам царя,
никакого писаря,
жалко времячко прожить,
на позициях тужить.

——

Вот бы знать, как у нас на деревне царя провожают. Занятная это штука—деревня. Где стена,— там на царе ордена. А думаю, и туда толк дошел.

——

По сказкам хорошо было, а по правде то, бывало, перетолкуем, и видать—не по деньгам нам царь.

——

Уж такой то герой
Николай второй,
а Керенский депутат
не велел в Питер пускать.

——

Богу маливалися,
На царя нацеялись,
от них отвалилися,
по домам нацелились.

На верхах душеньки раззорливые. Эдаких без денежек для себя не позаведешь. Вот и проворовались.

Говорили, танцы царь любил. Да не сам плясал, а Распутина со знаменитой плясуньей польки танцовать заставлял, и на них, на двоих, всю казну растратил.

Польская девица артистка при царе в любовницах жила. Из-за нее царь-то и приказал Распутина убить, приревновал. А сам выехал, будто не его дело.

Под высокою под елью
я построю царю келью,
пусть нас не касается,
во лесу спасается.

Длинноногий галаган
сорок девок залягал,
Николай наш Наколаич
По престолу стосковал.

Эх вы рожи, рожи, рожи,
как стоит престол порожний,
а я здесь войну покончу,
на престол тот разом скочу.

Никуда ты, брат, не скочишь,
не один войну то кончишь,
мы престол тот соблюдем,
под курятник отведем.

Думаю я, теперь все цари облетят, словно лист сухой. И бури не надо, коль на них зима пришла.

Легкое дело—триста лет. Отсосали свое. Тут ничье дело. Сами пережрались до отвалу.

Жили—были царь с царицей. Всего у них через силу много. Соскучились с перебытков раз-

ных,—„подавай ты нам"—говорят,—„во дворец царский сермяжного самого мужика со смердьими словами. А то князья—графы нам до некуда тошны стали". Вот и пришел Гришечка, и так их царские утробы распотешил, что уж всего им для Гришечки того мало,—„гадь, Гришечка, на наши царские головы". Призавидывали тут графы и князи, Гришечку заманили и убили. А чудо было,—царя с престола свалило.

Житие того Гришки Распутного:—
пропраздновал житие долгое,
во скиту с толку сбился,
во столице на трон царский забрался,
не сам велик, не сам красив, не сам умен,
до царицы смел—доходчив,
до царя на язык удачлив,
всякого обнесет и вынесет,
денег—злата нагреб кучи,
камней алмазных—горы,
девок да баб—толпы.
Жил, пил, словно пес блудил,
дожился—доблудился до последнего,
дождался смерти необычливой,—
как убита собака во княжьем дворце,
как примята собака на высоком на крыльце,
за девичью порчу, за страдания,
за страну, за Россию поругание.

А спустили собаку в реку Неву,
хоронили собаку не в саване,
а в бобровой во шубке во княжеской.
А на том на свете, не как нибудь,
а сустрел его Вельзевул, князь обрыдливый,
со всем со бесовским со воинством.

Как Распутина убили, многие из начальства добреть стали. Много их, сказывают, от того Гришки кормились, вот и обробели с сиротства.

У нас разно про того Распутина знали. Кто и за святого считал. Сказывали, будто один он правду царям говорил. За то, будто, и убили его вельможи.

Сказывали, от народа, будто, Распутин к царю приставлен был, всю правду говорить. Не простой люд его извел.

Сперва то он хорошо, будто, народу служил, да переманили его баре, золотом купили, и на баб обласел. Вот и продал он народ, хоть и наш был, серый человек.

Такая уж царям линия пришла, чтоб от сер
мяжного ерника с престола свалиться.

Как Распутин Гришечка,
хороший мальчишечка,
по скитам не старился,
с царем в баньке парился.

Гришка баньку истопил,
а сам в Мойку угодил,
а царь в баньке учадел,
да делов не углядел,
да делов не углядел,
со престола царь слетел.

КАК ПРИНЯЛИ РЕВОЛЮЦИЮ

Разумных послушались,
начальства ослушались,
задудели тру-ру-ру
на веселую игру.

———

Думаю, под большую пушку питерские дела сделаны. Мы здесь уж как привычны, а и то, под большую пушку со страха жизни не жаль. Верно, как прокатило над дворцом чемоданным громом,— поползли вельможи на карячках, ключики порастеряли.

———

Трудно каменью катиться,
трудно старому жениться,
трудно барину трудиться,
трудно воину мириться.

———

Задумали серые зайки волков скоротить. Всем лесом сбились, от тесноты страх потеряли, да и сшибли. А теперь, слыхать, и волки подымаются.

Забежал к нам зайка серенький, говорил,— ребятушки, не труситесь вы по зайчиному, приступите вы по волчиному. Тут только человеками и станете.

Зайка забежал, такие слова сказывал,—чего, говорит, вы солдатушки, в чужих лесах зайцев тревожите, коли у вас дома-то волки последнюю скотину сводят.

Забежал раз зайка серенький,—вот, говорит, я какой, со страху глаза растерял. Так на то я и заяц. А вы то чего здеся жметесь. Кабы нам, зайкам, да эдакие винтовочки, мы бы не по воробьям стрелили.

То про то, то про это думается, и жалко, что доросший я. Был бы я мальченок, ничего бы теперь не боялся. А то, кто его знает, примет ли душа моя заезженная новую свободную жизнь.

Есть покалеченные. Таким теперь на печку охота, на покое отдохнуть, да гниль вокруг себя развести. Нет, ты на сквознячек пожалуй, вот и не застоишься болотом.

———

Ни секундочки не позамялись, сразу приняли. А уж до чего обрадели. Только с часок мы по просту радовались, а к вечеру на всякие дела потянуло. К чему это, после такого-то случая, на войне, от всего вдали баклуши бить. И вот так которую неделю.

———

Стали новые режимы,
пооcлабило пружины,
отдышалися с натуги,
на работу стали туги.

———

Распалили свои душки,
заиграли мы частушки,
эх, прибаска весела,
про теперешни дела.

———

Загляделся я просто на ту газету, пока ее в часть вез. Не очень хорошо читал, только все понял. И в части сразу приняли, будто еще бабушка ворожила про то.

———

У нас народ особый, лесом кормится. И воздух душистый, а не полевой. Я в городе-то, было, сперва задохся, словно кто мне на голову сел. Из лесу я, а лес извечно на одном на месте дремлет. Вот и мы не больно за свою судьбу ворошиться охочи. Однако, думаю, теперь и лесных наших людей пораскидало.

———

Идет сила великая, а мы у ней на пути, словно шалашики; разве что переночует, да и дальше.

———

С неба листок прибило. Такой листок ко счастью мосток. Писал тот лист ссыльный стрекулист. За нас сера свита, за нас спина бита. В Сибирь плетется, за нас печется. Самого бьют, да мучат, а он нашего брата учит.

———

Ты посмотри, как наш брат от присяги отпал. Припекли ровно клеща, и отвалился народ. Нас больше к тому месту не припустить.

———

Боюсь я, а ну как все старое пропадет. И грибы на печурке ростить станем. А я и к лесу, и к простору всякому привержен. Так как бы мне душой то под машину не угодить.

———

Словно ты тулуп с'ел, кряхтишь ты, да оха-ешь. И чего боишься, что тебе терять-то. Худшему не быть, куда уж. А время особое, за тысячу лет такого не бывало, чтобы неимующий хозяином надо всем. Коли и на такое душа твоя не играет, так не быть тебе живу, хоть ты и глазом хлопа-ешь, да зубом лопаешь.

Дело то вот какое, котельщиком был он прежде. Всю жизнь себя молотом глушил, не берет он теперь ухом малых шумов. Вот ему и подавай всесветный гром.

Как начну не про вещи думать, голова загу-дит с непривычки. А я помаленьку:—сперва про наше про гореванье, на другой разок—про ихнее измыванье, а уж как до нашей до свободы доду-маюсь, ан и привыкла голова.

У коленок очень тонко,
на бочках болтается,
галифами очень звонко
штаны прозываются.

От свободы—радости,
понабрал я сладости,
зашумело в голове,
полюбил я галифе.

Есть и такие, что теперь совсем не у места. Ровно хвост в штанах. Не по фасону.

Уж совсем я к нему присмотрелся, верить стал. Тут газеты привезли, читали с товарищами фамилии. Провокатор. Так уязвило меня, в такой стыд—тоску запал, взял револьвер, убить надумал, как бешенного пса. Да сбег он куда-то. Тем я и спасся.

Нас на такие места за нашей безграмотностью не звали, а шли бы из-за темноты и горькой нужды. А вот они то с чего? Фамилии-то все господские больше.

Радость большая несчастным людям жизнь устроять, и покой дать. Только не вижу я покойного места. Земля, так и та двинулась.

Прежде был солдат тетеря,
не такой он стал теперя,
как раскрыли ему двери,
стал солдатик хуже зверя.

———

Простой человек от рождения революционер. Нужду с жамкой пробует, всю тугу на родителях видит. С малых лет на труде непосильном, и никто то из гладких да кормленных ему не советчик, а кровосос. Вот и почнет брыкаться, коли не дурень.

———

Не боюсь я теперь. Что ни случилось—лучше будет. Нас, бывало, на возжах в ров-то гонят, и то живы были. А теперь, на свободе то, еще как заживем.

———

То-то и плохо, что на возжах ходили. Из оглобель не вылезая пути то знали. А теперь распряглись, как бы ноги не порастерять.

———

При возжах и кнут командир. А от кнута, хоть в ров головою, только бы на волю. Вот и вырвались. А что с непривычки сошкодим,—ничего, залечится.

———

Эх, свобода хороша,
да вот ходим без гроша,
по купцам, да по боярам,
наши деньги потерялись.

——

Кабы денежки,
были б веселы,
от той бедности
головы повесили.

——

Натяну штанишки узки,
обучуся по французски,
господам по шеям,
закручуся коло дам.

——

На ручки перчаточки,
на ноженьки галифе,
со мной барышня красотка
во малиновом лифе.

——

Выходи простой народ,
посшибали всех господ,
со свободы стали пьяны,
заиграли в фортопьяны.

——

Молодые, те при слове больше занимаются. А наш брат—семейный,—язык у нас крепкий, песьим хвостом не крутится, а дела, окромя семячек, здеся не видать. Домой бы...

———

Чего языка стыдиться, коли мозги в тебе есть. Как сказка, так не стыдно, а как жизнь устроять,—так сейчас язык лыком. А ты смажь лыко-то, хоть умом что-ли, авось и от тебя миру помощь.

———

Теперь новые привычки,
покидаю в воду спички,
целой роте на беду,
зажигалку заведу.

———

Ходят теперь здеся люди, не люди,—слухи, не слухи. Однако те не люди, не слухи такую вредную выдумку сеют, что как бы нам радость-то в крови не потопить.

———

В прежней то жизни рабской такая душонка, словно рыбка в воде. А теперь ей страшно, да на чужой воле тесно. Она и мутит. А ты строй жизнь покуда к стройке допущен, да учись, а на чужеродных там, на евреев разных, не злобься. Всем теперь места хватит.

———

Кабы тебя с прадедов в лабаз позапрятали, да в рожу бы тебе плевали ежечасно, да над верой твоей измывались,—не такой бы ты еще жулик вышел.

Онамедни любовался
звездами, да месяцем.
Коли кто проворовался,
так того повесили.

Я пошел, вижу, все, кто побойчее, и начальство коло их. А солдат густо сбился, сам молчит, а до тех нейдет,—силу копит до времени.

Что вы с... д...., стадом стоите. Постойте так-то с часок, отстоите себе тугу на шею. Вы, братцы, движтесь; вон вода движная, чего-чего не нарастит, не увидит. А в стоячей-то, окромя падла да жабы, и духу иного нет.

А теперь вдруг вышло,—все твое, сам себе хозяин. Да уж больно всего много, и взяться за что—сразу то не угадаешь.

Пояса то мы пораспустили, это верно. Да вот, как нажмет враг какой, как бы нам, при таком нашем фасоне, в портках не позапутаться.

———

Подпалили мы скирды,
да лежалые,
не горит наша Россия,
только балует.

———

Когда стал он мне про всю житейскую правду об'яснять, обалдел я, молчу, все внове, на старое надежду утерял. Он и спрашивает,—„что молчишь, аль тебе с нами не по дороге". А я уж и путей иных не вижу, все старые дорожки правдой позасыпало.

———

Знаю, что не ладно тута болты болтать, да дела по рукам не видно. Воевать не приходится, не с чего. Речи—слова разымчатые говорить я не горазд, вот и лускаю семячки безперечь.

———

Какой такой Керенский—не знаю и не ведаю. Только слушать его не дам ушам. Он человек проезжий, наговорит, а кто его знает, надолго-ли те его слова.

———

Говорили товарищи разное, да я веры не давал, о своем больше думал. Слышу,—сердце упало. Думаю,—это нас от австрийцев повернут, своих за царя бить. Доспело, думаю, убьют, а не пойду на такое дело. Однако вышло, что все, будто, рады, и пора строиться. Только бы вот домой поскорее.

——

Я грамоте обучен, газеты читаю, писать многое могу. А на все теперь ужасаюсь. Ровно меня пятилеткой каким перед море поставили, да и сказали—переплыви.

——

Припечет, бывало, так в церкви лоб расшибали. Боль то ко лбу оттянет, умнеть народ и станет. По церкви станет смотреть, ан поп м......... Тогда мужик царю в ноги, не будет ли подмоги. Станет на царя смотреть, ан царь м......... А как ни царя, ни бога, и стал народ на свои ноги. Встал весь люд, как один, сам себе господин; а таку то тьму, не упечь в тюрьму. Так и вышло дело.

——

Прежде всякий казак
против вольных ставился,
а теперь стало не так,
свободой прославился.

——

Нету худшего ворья
как казаки—кумовья,
коли станет им в угоду,
прикарманят и свободу.

——

Вольные казаки,
не вороны—дураки,
налетят на Петроград,
загорюет депутат.

——

Загорюет, скорчится,
свободы покончатся,
от казацкой вольницы
быть воле покойницей.

——

Казачики, сучьи дети,
некогда на вас глядети,
хоть вы в куски разорвитесь,
а свободе покоритесь.

——

Мне это все не по душе: надо скорее домой вернуться, семью присмотреть. А уж землю пусть знающие устроают.

——

Вот и беда наша в том, что все на чужой умок в надежде. Я, мол, с бабой на печь, а на мои, мол, денежки захребетные, пусть бареныш повыучится, как мне же на шею начальством сесть.

———

Заблудился я середь новой жизни, ничего не пойму. Все позволено, а ничего нету. Дома до настоящих вещей доберусь, тогда и свободой попользуюсь; а здесь что,—разве что перчаточки понадеть.

———

У нас теперь еще ничего не разглядишь, рады ли, нет ли. Только что на свет мы народились, рты пораззявили, а на плачи, али на смехи, еще и не разобрать.

———

Эх, свобода манит. Только и ответ за нее на нас же. Не хочется жеребенком сорвашимся малину перетоптать.

———

Да уж лучше жеребенка на малину, чем чтоб та малина под господской з....цей посмякла.

———

Как чихнули всем народом,
стала русская свобода,
а как п....м во все ж..ы
свободится и Европа.

———

Как нам в Питере
слезы вытерли,
только враг больно хитер,
как бы носа не утер.

Сколько это мы на себя греха берем, судивши. Коль свобода, так и судить не надо. Зло то побушует, да само и притухнет.

Зло то, ровно огонь,—тогда помрет, когда все сожрет. Бороться надобно, а не попускать; вот и суды надобны.

Сколько теперь горя ушло у людей, сколько теперь всяких людей радостью живут. А такая радость, словно горячка, ко всем пристает.

Человек тебе не скотина. Хоть узда, хоть ярмо, а на свободу вышел, сразу на своих ногах по пути прямому.

Доктора хороши, да больно им в деревню не охота. Думаю, что и мы то повыучившись избы побросаем, да в городские хоромы. Колей, мол, деревня, коли есть терпение.

По земле русской много людей разумных есть. Все те люди без дела сидели, дело то не в тех руках было. Теперь же депешей тех людей собирают,—за советом.

Ничему теперь старому не вернуться. Мы то вот и не попробовали еще по новому то жить, так от мыслей одних душе вольно. А что еще будет.

Прежде на отдыхе всяко говорилось. Бывало и сказки сказывали, не стыдились. А теперь доброе слово соромно сказать. Время теперь у печени, от сердца далеко.

Старыми то словами теперь не скажешь. Старые то под время подведены. А теперь времени не видать. Теперь кипит. Еще что уварится, пока время опять отстоится.

Он в Россию в ящике железном прибыл, чтобы никто не знал. Ящик с дырочками. Четверо суток до Питера в ящике томился. Там товарищи вынули. Отошел с пути, теперь всем верховодит, и очень думой не доволен, чистоплюев много.

Ну и город распрекрасный
Петроград столица,
на церквах знамена красны,
народ веселится.

Эх, пуста Москва,
что солдатская мошна.
Московские люди
все в Питере будут.

О ВОЙНЕ, О СТАРОМ И О ЗЕМЛЕ

Эх вы вьюшки, вьюшки, вьюшки,
Не осталось ни полушки,
До последнего числа
Все война та унесла.

Страшусь я, что дома увижу. Изнищила нас война до чиста, от дела отбила, силы поубавила. За одно войне спасибо, до самого краю довела, дальше то и некуда было. Вот и пересигнули.

Наш брат, рядовой, всегда хорошо знал, что простому та война, кроме худова, ни к чему. Земли у нас помещичей до некуда. Так неужто нам еще у иностранцев землю отнимать.

Бывало, взвесишь рукой винтовочку, а под сердце и засосет думка,—эх, кабы да этой штучкой, да на свою нужду у помещичка хлебца поотбить.

Чего мы до сей то поры терпели, ты вот что скажи. Кабы повернули мы всей то отарой, да с ружьищами по домам. Никаким бы нас галифам не удержать было.

Смотришь на земляка бывало, кто его знает, за кого он себя обдумывает, за господску забавку прирожденную, али за работника от века изобиженного. Кабы знатье, давно бы на иное повернули.

Прежде был я дурак,
Помыкал мною всяк,
Как свободу достал,
До чего я умный стал.

Как на войну брали, дед один говорил,—„подгонит, уторопит война новые времена. Всю землю костями укроит, на тех костях новое житье устроит. Лишит нас война деток—хлеба, да приведет новое житье с неба“.

Ну небо да небо. Конечно бог, ан, руку то приложил не бог, а человек убог.

Как военное отступление у нас в Галиции вышло, все мы знали, быть большой буче. И знали мы, что продали народ министры, да ни как там по особому, а за деньги продали. И знали мы хорошо, к чему идет наше военное житье. Собирались охотно и учились, и себя готовили.

Горевать то бывало, горюют, а руки все при поясе, как бы не раззуздились. В свободную минуту способы придумывали, как себе на белом свете место не обидное высмотреть.

Не вынес, ударил. Сейчас его под суд. И все его хороши молодые годка, в 24 часа призакончили. А обидчик и по сие время провожает жизнь. Так считалось, что солдатское личико вроде как бы бубен,—чем звонче бьешь, тем сердцу веселей.

У нас теперь страх в ногах, как что,—верстами сигаем. А прежде, как ничего от житья хорошего не ждалось, бывало пнями под бомбами то ростем. Больно храбры были.

Сперва мала, потом больше—грозне запылала. И порешили, спалит летучая звезда землю, По всему небу хвостище раскинула, вот с версту ей еще, и у нас. А на утро вечер пришел, сникла звезда, испугалась чего что-ли, в свои края повернула, скоро и след простыл.

Война эти все темности, словно лаком покрыла. Все для всех видать стало, никакими орденами не причепуриться. Всякий чирий на свету—на виду.

Стоит человек, к стене припал и плачет. Я к ему подойти опасаюсь, еще уязвишь его словом по горькому местечку.

Горе разве свое покажешь, округ чужие, я один деревенский. Разве поймут. Теперь война побратала.

Так, сказывают, от начала положено. Сперва как лес стоит народ и кучно и дружно. Землею кормится. А отсосал землю, началось и к другому движение. Тут война, тут революция, и всякие времена.

На военном огне в единый нас брусище спаяли, да этот брусок себе же на голову.

———

Указано прежде было, что для человека плохо, а что хорошо и для всех одно. А теперь так вышло, что для одного хорошо, другому худо, вот и мечемся. Прежде попокойнее жилось.

———

Обжитая дедовская изба была, всего в ней много и сеней и клетей и горница не одна. И до того обжита была, стены так и те разговоривали. Всюду и дух и шум слышен был.

———

Возьми ты осочину, при полном месяце зубом ее перекуси, солью ее пересыпь, зашей в тряпицу, и носи при себе. Самое против зубов средство.

———

Ночью встал из гроба, монашка страхом убил, в свой гроб уложил, да всю ночь над ним и читал, чтобы не рехнуться со страху. Дома наша смерть куда страшнее, чем на войне.

———

Бывало дитя народится. Сперва то коли изба полна, будто и рад. А потом, только его и видишь, когда бьешь.

———

Я только до шести годков над собой чужой мошны не чуял. А с семи, и по сию пору, был я чужой со всеми потрохами своими. Теперь вот посмотрю, каков я без хозяина буду.

———

Мы столковаться то времени не имели. Посмотреть кругом, так все свою связь имеет. Только простой народ, ровно просо на крыше,—кака хошь мала птица повыклюет.

———

Покажи простому вещь дорогую, да за руки его не держи, ей богу украдет. Развратился народ темнотой и убогим житьем.

———

Ну вот теперь, слава богу, чувство имею, что не хуже я других. А то, бывало, на кого не поглядишь, все тебя чище. Труд несешь, для всех делаешь, а видать то тебя, бывало, никто не увидит под корой твоей грубой.

———

От трубы заводской родился, дымом фабричным повился, у шпаны сибирской учился, на ткачихе блудящей женился. Как такому человеком стать. А есть декоктец такой знахарский:— работай до поту, раскали кровь сухотой. Коль раскалился, на господ навалился, правов добился, вот тебе и не хуже людей.

———

Сколько, бывало, страху от бедности. Коли не за себя, так за семейных. Только и свету, бывало, увидишь, что через водки стаканчик.

С водкой сердцу в кулак не вступить. Кабы водку не запретили, не добыть бы нам свободы.

Прежде пьяненькому только и обиды, что портки сымут. А теперь дела великие пропить можно, вот и надо остепениться.

А чего в вине плохого. Я с вина здорово умнел, все понимал, ничего не боялся, и правду на улице кричал.

Бывали и прежде хорошие времена. Бывало начальству за своими делами не до нас,—так и при таком счастии дел мы своих справить не умели.

Привел отец товарища, оставил ночевать. Ночью урядник нагрянул, все в раззор разорил, отца с товарищем увел, и по сие время. За книжки теперяшние много я мальцем горя принял в безотцовстве своем. А вон что вышло.

Как запрег я волов, очень я их с непривычки, да от стыда, строжил. А как разглядел, какие волы не обидчивые,—просто походя бил. Коли им все едино, а мне что, кнута не жаль. Так вот и с нами.

———

Застонала судьба крестьянская,
ты за что меня, лютую, на свет послал,
ни покою от меня, ни радости,
ни для взросших людей, ни для малых детей,
уж такая я судьба, тяжкая, (ни по чьим я плечам),
ни по чьим я сердцам,
стою я, судьба, плачуся,
суда дожидаюся,
да не будет ли людям жалости,
да не будет ли людям милости,
а не будет мне, судьбе, перемены какой,
коли есть тягло, есть и тягости,
коли сердце есть, есть и горести,
коли разум есть, есть и радости,
коли сила есть, есть и вольности,
а при вольностях—переменится,
горе с радостью переместятся.

———

Ворошите по городам, что вздумалось. А крестьянству что бы тишину. Никакого зерна не выростить, коли безперечь коло него землю заступом.

———

А ты подожди, мужик, сеять то, покуда мы тебе землю всю не перекопаем. Такую распашем пашенку,—что ни колос, то богатырь.

———

Эх, кабы только поля корежить. Наша пашенька через города всякие пораскинулась, а тут под плугом не кроту—червю гибнуть.

———

Землю возьмем по товарищески, а всех лодырей за границу, пускай водами опиваются.

———

Все мы как один одного хотим,—чтобы землю земляной человек взял. А фабричные фабрику получай, и до нас не касайся.

———

Кому землю корежить, кому словом тревожить. Тут только в том главное, к чему делом своим ведет. Иной весь в мозолях, а только и радости от него, что на малых детей не кидается.

———

Ну-к-чтож, и о таком думать приходится. Уж и та польза, что никого такой не сосал за трудами неустанными.

———

Я бы хотел, по крестьянски все. Отставили бар, что хошь с ними делай, только землю нам верни. А при земле мы и умны, и добры, и всему свету помощники.

Слыхивали. А как вростишь пуп в землю, так чтобы и за версту никто не хаживал, пупа бы не потревожить. На пупе добра не вырастить.

Земли, да земли. Конечно, земля для нашего брата первое дело, однако земля то без устройства и на кладбище не годится. Надо сперва господ устроить, машины, да суды. А первое дело—войну замирить. Земля же не уйдет.

Загулял мужик на просторе, все свои думки заветные на делах перепробовал: помещика выжег, землю у него отбил, скот угнал, учителя в шею, трактир вывел под облако, самоварище солнцем засветил, водку в глотку,—бабы страшатся...

Земля ты землица, красная девица, сколько годков к тебе подсыпался, вот и дождался.

Как летела голубка над полями высоко,
над полями высоко и далеко.
Видно было голубке наше горькое житье.
наше горько-подневольное житье.
Позадела голубка за небесное окно,
за небесное, лазорево окно,
пораскрыла голубка на нас солнечно тепло,
на нас солнечно, приветное тепло,
порассыпала голубка золотое зерно,
золотое хлебородное зерно,
непахано поле небывало проросло,
небывало и несчетно проросло.

КОНЧАЙ ВОЙНУ

Ты не пой соловьем,
все равно домой уйдем,
не дождем до осени,
теперь войну бросили.

Одно я тебе слово на все на твои на десять—домой.

Уж так то томно здесь. Что за житье. Прежде, когда воевали, знаешь, чего у чужого хребта прибился:—враг, мол, велено,—соси. А теперь забыли мы, какой такой австриец враг, так чего это нам по чужим странам сохнуть, али уж и работа то дома не стоит.

Ищу я, братцы, правдивых слов, до конца. А то не понять чего и пиво варивали. Царя нет, а

войне конца-краю не видать. Кабы все до конца сказали бы, так уж кто как, а уж русский бы мужик дня единого войной не подышал.

——

Не один мужик на свете. Ты вон французу не присягался, да за тебя пообещалися. А эти пупа не надорвут.

——

Ты повызнай, немчура,
пришла новая пора,
как мы в Питере живем,
не сыскать и днем с огнем.

——

Всех вельмож мы посвалили,
землю людям воротили,
дармоедов скорчили,
всяки войны окончили.

——

Вы немецкие ребята,
никому не виноваты,
вы домой вертайтеся,
за своих примайтеся.

——

Плохо здесь дела идут. Вон, за сто верст, аль меньше, дерутся ведь наши то солдатики с австрий-

цами. А мы сидим, совесть зазрит, а разум не велит. Трудно, уйти бы по домам.

Кто церется, верно еще не поверили, что свобода для всех. Обманули их, вот они и воюют еще со страху то.

Ты Керенский депутат
солдат не обманешь,
не пойдем мы воевать,
даром словом манишь.

Другим голосом говорит,—идите, собирайтесь, будем обо всем советоваться. А я что за сочетчик. Слов нет, думы о своем, домой бы...

Встал, месяц светит. Пошел-побрем до городу. Полуднем через город перебег, на эту дорогу вышел. Иду домой, и чем я от войны подальше, тем на душе моей тихости больше. Иду домой мирное житье строить.

Никто нас на позиции не останавливал. Кричал кто-то из наших же солдат, мол, сукины дети. Только мы времени не теряли за обиду драться. Привычные.

А наш депутат револьвер вынул, говорит, застрелится как уйдем. А пускай его. Лучше одному под пулей то гинуть, а нас дома ждут.

Вроде как свобода
для всего народа,
а солдаты бедные
жди конца победного.

Нам победа нипочем,
чего с немцем биться,
мы пойдем плечо с плечом,
нам домой кортиться.

Вы бы сперва войну бросили, да в Россию вернулись, там бы видно стало на какое дело ожидаетесь. Может и всего то вашего управления будет—новым господам нужники чистить.

Каркала ворона, пока не подохла. Не приучены мы править, однако можем выучиться не хуже других. А уж старому не бывать, не загнать младенца назад в утробу.

Да ужь теперь на фронте не погеройствуешь. Товарищи засмеют. Мы свою удаль домой снесем, там она в цене.

———

Конечно, перед тещей то погероистей будешь, чем перед дядей немецким. Идите, идите. И псу хвост то поджатый на ходу не помеха, только не сберечь такому добра.

———

Я мальчишечка фабричный,
ко всему, скажу, привычный,
а к немецкой пушке,
не привыкнут ушки.

———

На речке кораблики
на бережке борона,
мне здесь не на фабрике,
а чужая сторона.

———

Чего хуже война, чего лучше свобода. Только нет им места в один часок.

———

Я бы воевать любил, кабы знал, что дело. А ничего от нас немцу не нужно, так какой он враг. Враг то и меня и немца овечкой гнал,—один сн у нас.

———

Что Ганс, что Ванюшка,
оба два солдата,
во нашей судьбинушке
баре виноваты.

———

Эх, не немец, не австриец
белоручка кровопивец,
эх, не иностранец,
баринок поганец.

———

Вы немецкий народ,
славна нация,
на войну вас ведет
чиста провокация.

———

Депутатики братцы,
вы не стройте провокаций,
не хотим мы воевать,
пойдем дома добывать.

———

Сказывают, на неделе прибывали Питерские думские. Посередь военного слова их в кулаки подмяли, еле ноги уволокли. Нашли чем из Питера челом солдату бить, а еще бородатые.

———

Все больше адвокаты, законники разные. Небось, от старого медку никак не отлипнуть, сколько годов питались. Вот им и не понять никак, чего это вдруг солдат воевать перестал. Нового то закону не раскусили еще.

——

Коли уж при царе защищали, так теперь, мол, особливо воевать нужно, когда все свое. А того не домыслят никак, что войной мира не добыть. А нам и строиться нужно, и закон новый утвердить; время ли нам теперь с чужими людьми дракой тешиться.

——

Нашим, мол, геройством гордились. А и все то геройство наше с того шло, что некуда нам податься было. А как не с этого, так больше полоумные геройствовали.

——

Удали некуда деть было, а мы народ удалой. Теперь, как настоящим делом призаймемся, так удаль то лучше девкам будем показывать, чем немцу, сурьезному человеку.

——

Тарнопольские полки
растеряли портки,
да в родимый то домок,
что в портках, что без порток.

——

Хоть прорыв, хоть и нет,
а нам все едино,
не австрийцу, а войне
показали спину.

——

Что теперь беспокойно, так это только что война. И всегда война болячкой у нас жила. А теперь нам работа приспела, вот и нужно ту болячку извести. А то не поработаешь.

——

Коли кончать войну с умом, так не за чужим горбом. Сами кровь лили, сами и помиримся. А не на бумагах разных.

——

Как по дому я скучаю,
дождался теперь случаю,
жизнь—свобода у окна,
не нужна война.

——

На солдатску спину
царь войну надвинул,
воевать нам не охота,
коль теперь наша свобода.

——

Как солдат воевал,
царю славы добывал,
а как сшибли мы царя,
так чего нам драться зря.

Что это, право, за свобода такая. Кто, освободившись, чужих людей подшибать станет, ничего для нас не вредных. Нет, до свободы еще не близко, доделывать надо.

Сказывают, приехал, будто, ктой-то из за границы, и говорил, что, мол, это за судьбы перемена, коль войны не кончают. Не все нам едино, царь, али свой брат на убой гонит.

Да кабы было за что, чего не потягаться. И смерть не страшна, как судьбу отбиваешь. А что нам немец за враг. У него и изба и интерес свой от нашего далеко.

Не хорошо, братцы, на местах этих без дела сидеть, домой пора. Вон и мясник на бойне не ночует.

Ничего то мы у немцев не забыли, чего нам драться. Хороша война не для простого человека. Нашими ручками, да для бар штучки.

И пушку домой веди. Первое дело—для войны машинок не будет; а второе дело,—дома пушка то,—пожалуй, понужнее станет, это тебе не немец.

Чтой-то, братцы, хочется,
чтоб война покончилась,
я домой поворочу,
пулеметик захвачу.

Ты постой-ка пулемет,
у крестьянских ворот,
немцев не тревожи,
а господ построжи.

Не пойму я, братцы,
чего с немцем драться,
лучше бы обухом
по толстыим брюхам.

Ну, пустят нас по домам, ну, пошли мы. А как немцы то войны не кончили, да за нашими за пятками на дома наши навалятся. Вот с того мира ждать, а не дуром валить.

Как немцам хлопочется,
воевать не хочется,
за немногим дело стало,
посшибайте генералов.

——

Вы немецки Морицы,
чего с нами спориться,
мы вот в этот самый час,
отпускаем с миром вас.

——

Я теперь ни в жизнь воевать не стану. Как только сказали, начальство не очень для нас важно, так, так я врага полюбил,—всякую его обиду жалко.

——

Не нам одним мир то надобен. Вон и пленные всякие по домам запросились, про свободу услышавши. А им,—погодите, мол, мира еще нет. А бабам то нашим каково без мужней головы со свободами обращаться. Трудно ведь с непривычки.

——

Уж чего мы не пытали,
даже в шею царю дали,
уж мы эдак, уж мы так,
не скончать войны никак.

——

Надавали мы царю
за плохие свойствия,
на митингах говорю
с большим удовольствием.

Помирились бы давно,
да начальство то г.....
уперлися идиоты,
не примают мирной ноты.

Как теперешний солдат,
он не хочет воевать,
стала жизнь свободная,
война неугодная.

Стыдно то стыдно, да не больно, видно. Все как один, все домой хотим. Чего у тебя отнято. Бить то не за что, а дома дела стожища, вот и пошли.

Я вон совестливый, а как стали меня уговаривать воевать дальше, да слезно уговаривали, родину, мол, гублю,—не поверил, не пошел. Я привычен про войну знать, война всему самая гибель и есть. Не уговорили.

Боятся, много нас здеся. Потому и на позицию гонят, чтобы немец наши силы разредил.

Заграницей рабочему человеку тоже не сладко. Скоро и там войну бросят, как своих то сидней свалят.

Не звони, Керенский звоном,
не хотим твово закону,
ты не разговаривай,
с немцем мир устраивай.

Вы молодчики хваты,
солдатские депутаты,
коль вы кровные нам братцы,
не гоните с немцем драться.

Приехал один такой, не военный. Вздел пальтишко на пиджак, да и думает, что не дурак; а эдакого дурня и в бане видать.

Не езжайте, баринки,
на войну сговаривать,
как хотят большевики,
с немцем мир устраивать.

Как военный комиссар,
на позиции посылал,
сам воюй коль больно храбрый,
а нам в руки цепы—грабли.

Ночью проснусь, сяду, а руки просто горят,— до дела рвутся. Куда уж тут воевать.

Наша така воля,
воевать довольно,
дома дела гора,
по домам пора.

Мне одна свобода
на дому работа,
а Керенский депутат
не велит домой пускать.

Один приезжий, сразу видно, дельный. Идите, говорит, отсюда, только порядок держите, ничего не раззоряйте, своего брата, депутата, слушайтесь, от господ подальше. А войне конец.

В городах полиция
без пользы держалася,
а у нас позиция
без пользы осталася.

Комиссары по лесам,
а солдаты кочками,
повоюй-ка, братец, сам,
а мы кончили.

Наплевали на амбицью,
растеряли амуницью,
хоть приставь Дума полицью,
не вернемся на позицью.

Уж так то мне лестно,
что я стал известный,
воевать артачился,
в газетах зазначился.

Ты на месте не сиди,
и к знахарю не ходи,
ты окстися раза три,
да с позицьи и дери.

Начальствам по з.....
а не видно разницы,
красный флаг качается,
война не кончается.

Как военный депутат,
уговаривал солдат,
а солдат серчает,
воевать кончает.

Напекла нам бабушка
здобные калабушки,
от свободы обсытели,
воевать порасхотели.

Коль настала революцья,
жить народам без господ,
а солдатска резолюцья,
по домам чтобы поход.

Как бывало пушка бахнет,
во мне сердце так и ахнет,
а теперя эта пушка
будет детушкам игрушка.

О НАЧАЛЬСТВЕ, ГОСПОДАХ И „УЧЕНЫХ“

Полковнички
греховоднички,
не заступятся теперь
и угоднички.

———

До дому спешу,
полну шапку ташшу,
а в той шапке, бабам тряпки,
а начальству по шишу.

———

Как простой народ
усмехается,
а начальство сидит
злопыхается.

———

Размазывать тут нечего, всякий знает, какой от начальства страх был. Коль не бьет, так кислым глазом донимает, или словом язвенным. До смерти я их боялся, притаясь живал.

———

Хуже не было ласки барской. Стоишь перед ним не свой, он шутить готов, да кабы давал отшутиться. А то, словно он на престол, а ты рожей об стол. Обида бывало распирает.

———

Отшучиваться не приказано нам было. Стоишь,— от ухмылки скулы гудут, в кулаке словно мышь зажата, аж щекотно.

———

Отшутился я как-то, так хама получил, и в другую часть перевел, чтоб ему на голову не сел с отшутки то.

———

Со мною добрый был, всему обучил, не бояться, честь свою понимать. Все я это помню, а начну говорить, сейчас вокруг себя плохое—худое выискиваю; счеты, видно, сводим.

———

И выходит на тех счетах, им с нами во-век не расплатиться. Целыми гнездами до исконных дедов, нас в черном несчастьи держали. Что теперь не отдай, всего мало.

———

Меня нужно при врагах приставить. Я врага сразу по глазам узнаю и спуску ему не дам.

———

Опоздал ты малость, тебе бы в фараонах царских послужить было. Наш городовой бывало все грозится:—„я говорит, по первому взгляду революцию в человеке увижу. Вскинет такой глазом, а я ему—пожалуйте в участок“.

———

Не звони поручик шпорой,
эполеткой не свети,
солдатня ступает скоро
по свободному пути.

———

По свободному пути
поручичку не идти,
для свободной для дороги
жидковаты твои ноги.

———

Не то он радуется, не то боится чего. И то сказать, не по нашему он в новую жизнь вступает. Один у нас с ним хлеб, да до сего времени без нас тот хлеб ламывал. Как бы теперь в кусочки не пойти.

———

Усики у него черные, до того франт,—весь светится. Что ноготки, что головка в маслице На песок через платок садится. Посадим мы его теперь голым задом на ежа, пусть привыкает.

———

Мало кто пригодится нашему брату, разве детей колыскать. Так и того доверить нельзя, они наших ребят, куда пониже щенков оценивали.

———

Загудело за вьюшкою, ухо приложил, слышал, будто есть теперь такие, что господам мирволят, по доброте, чтоль. И ихнюю ученость похваляют. Так вот слова мои:—ничего нам от них не надобно, а даром их держать негде. Решеточки ковать некогда, на счет ученостей, так ты погляди, чему их та ученость выучила, кроме как чужой век заедать.

———

Офицеру теперь одно дело осталось,—солдату угождать. Верить ему не можем, жалеть его не за что, а угодит ли, с непривычки, очень еще не знаю.

———

Самый главный комиссар
нам цыдульку написал,
а по той цыдуле
офицерам дуля.

———

Я, говорит, ни минутки теперь здесь не останусь. Поедет, будто, в Питер, а оттуда приказ получит, и опять, будто, к нам, новой жизни обучать. Сразу и уехал. А мы здесь без него в недельку разобрались, что нам из начальства, даже праведники не ко двору. На готовое приедет, да не вернется верно, там барам повольготнее, говорят.

——

Наущают нас, это что говорить. Сами то мы немногое знаем. Только нами кругом сговорено, барам теперь не верить. Вот так то худу и не быть.

——

Зубами скрипит, по лицу пятнами, а улыбается. И то сказать, многое у ихнего брата поотнимется, почитай все.

——

Ты с него одежку сдерешь, голым задом на битую дорожку усадишь. А привычек вредных он не лишится. Эдакой до теплой лежаночки и нагишем доползет.

——

Не из за чего другого, а из за науки их поберечь следовает. Не все у нас дела знакомые будут. А наши то еще не скоро все ихние тайности узнают. К им прибегать придется.

——

Чудно мне. До этих самых дней, как на образ, бывало, на ученого человека глядел. С того моя перемена, что не вижу я для них добра в новой жизни. А силу ихнюю знаю.

——

Не знаю я, уж и верить ли таким словам, что самые хорошие и те для нас ядовиты. Какую помощь оказывали. Этим я до конца верить стану.

——

А вот ты поставь-ка такого-то святого перед себя, а сам на его перинке понежься. Тут то и увидишь, что они только с баловства всякого и добры то бывают.

——

Коли не сладко ели, не мягко спали, так ученьем козырялись. А коли мы у них и эту вышку отобьем,—быть им с нами во врагах до краю жизни.

——

Наш народ набольшой
купцы да начальство,
у него за душой
пузы да бахвальство.

——

Наш народ наменьшой
мужик да работник,
у него за душой
обо всем заботник.

——

Тихо в сторонке стал, глаз горит. А потом, словно выстрелили им, прыгнул, истошным голосом кричал, „не упустите врага“. До сердца обидами прожгли. Через этого человека мы и убили. Как его, такого то, не послушаешь, коли в нем всякая кровинка кричит.

Чего и слушать то, коли толку не ждешь. От дедов жизнь наша каторжная. Зря болты болтать о таком, только сердце до красна, ни к чему. Теперь же видать, что ошиблись.

Как так думать, так до веку перегноем под ихними огурчиками полеживать.

Хотел бы я и святых других, для звания детям. А то вон я Николай, и сволочь наша тем же святым опекается. Не охота мне на том свете с ними у крестненького проживать.

А ты попроще святых выбирай, чего под Николая преклоняться. У нас вон Софроны да Пантелеймоны. Они таких имен не любят.

Вы ступайте, баринки,
Поопасливее,
свои светлые деньки
поотпраздновали.

А я думаю, устроят по хорошему жизнь, никто работать не станет. Ты на бар погляди, жизнь ихняя разлюбезная, ничегошеньки не работали. А в охоту то только на себя работа, такой всей земли не прокормить.

Спешит деньщик,
самовар бежит,
на перинке офицерик,
словно барышня лежит.

Самовар ушел,
целый полк пришел,
офицера деньщичок
под кроваткою нашел.

Сидит весь белый. Я, жалеючи, тихонько фуражку в руки, да было за дверь. А он мне— „постой, ты“,—говорит,—„теперь враг мой, если станут убивать, стрелять не буду. На вот ору-

жие",—и револьвер отдал. Смотрю, и карточки поснимал. И жаль мне его, и как звать-то, кроме благородия, позабыл. Так молча и ушел.

Мой здорово сперва побушевал, не поверил, что-ли. А потом заплакал и ушел. Вот вторая неделя нет его. Видно забили его где-нибудь.

А наш с газетой прибежал, веселый,—я, говорит, рад больно. Мы было сперва то и поверили, все с им делили. А потом из других частей посоветовали, мы и убрали его, засадили до поры. Хороший то хороший, да все кровь чужая.

У нас двое было, чисто быки, мясные такие, да грубые. Эти, как узнали, что царя нету, так уж матюшили сперва матюшили, а потом перепились боровами с горя. Мы их и заперли, до просыпу. Куда нам таких в новой жизни, и не придумаешь, самое злое в голову лезет.

А я теперь такой радый, ни на кого сердца не держу. Был ты зверь, да не то, мол, теперь, не страшно.

Как бы отдохнувши силы не посбирали. Ты не больно мирволь, попомни, как они с дедов над нашим братом изгилялись. Все бы ихнее семя извести.

— —

Принанять бы нам, братцы, ингушей, на господское стережение. Эти привычны, не умягчишь.

— —

Зазвонили во все звоны,
зорьки засветилися,
офицерские погоны
с плечиков свалилися.

— —

Вчера, как мимо своего-то проходил, да как вспомнил про евойные обиды, так так бы и убил. Удерж мне нужен, а где он теперь.

— —

Поспею, мол, еще ребра то перещупать, а потом, как подумаю, вдруг все на старое обернется, а я и обиды то своей не выплачу, —тут и звереешь.

— —

Еще никто меня тут не обидел, так разве в этом толк. Главное, хорошего от них ждать нельзя. Все больше о пустом пекутся, для себя. А наш брат и на свет то выпущен барску их постелю стлать.

— —

На дороге тарахтит,
генерал в возу пыхтит,
обижают генерала
комитетские орала.

——

Редко такой человек знающий из простых. Он с дедов горе наше считывал. Господский то сын, как его не учи, одного не позабудет,—что у него кожа нашей побелее.

——

Очень я студентов любил, сам голоден, сам нищ, а воробья веселее.

——

Как тот воробей оперится, в чиновники выйдет, бывало, расклюет он твое же добро по зернышку, не чирикнет.

——

Теперь только бы по хорошему, всем миром, порешить, что наше. Я так думаю, что, почитай, все у господ поотобрать придется.

——

Книги, вещи хорошие, и даже музыку,—все отдадут. Кажную нитинку простые руки сучили. А что ихняя указка была, так ведь и кнут ихний. А за науку они со всего сполна свое получили, порадовались.

——

На море Каспийском остров есть небольшой. Волга намела. На острове для рыбалок господа бараки всякие устроили. Кругом и море, и реки, и гирла самые великие, и просторы легли—пораскинулись. А у рыбалок не продохнуть, только и воздуху, что дохлая рыбка пооставила, а уж господской заботушки на этот предмет не видать.

Серый наш солдат говорить не мастер. Привычки нет. Мы все больше про начальство, а начальство то позади: вот мы и выучены задницей гуторить, а язык то наш словно в дегте выvалян, не отлипнет.

Очень было неудобно. Стал он вроде как прибиваться, стал нас, с... с... в, братцами звать. Это он, чтобы выбрали. Ну нет, эдакой то об нашем брате одно узнавал, у кого зубы крепче, кулаку больно.

Я на начальство не обижался, что оно понимало. Как его учили. На взгляд то будто и всему, а на разум,—так ничему путному. Только и науки его было, как сапоги чужой рукой чистить, да тою же рукой на войне со смертью грешить.

Ты только допусти господ, опять водку дадут. Плыви, мол, народ по морю по винному от нашего от берега подальше.

———

Не обо всех так понимать нужно. Теперь каждый рад за свое постоять, никому не уступим.

———

Хуже не было холеры,
как штабные кавалеры,
после революции,
так еще полютели.

———

Начал я, братцы, страх будто терять. Ты не смотри, что у меня Георгий, в бою страх не настоящий. А вот как, бывало, после бою оглядишься, начальства страшно. Всегда на нем тебе обида, словно яблочко спеет. Кто его знает, когда оно с ветки то, да на твою голову.

———

Как встали в ночи, все разом бежать, а от чего, не знаем. Прежде, думалось, скажут что когда надо, брюхо там под пулю, али спину на штык. А теперь начальству то не до нас. Вот и бежишь, на себя то не больно положишься без привычки.

———

Как немецкое начальство
толстозадое,
на российского солдата
подосадовало.

У него лицо, чисто чертов ток, глаза линючие, а дело говорит. Все, говорит, нужно к своим рукам прибрать, с войны уйти, начальство снять, а везде свой брат. И никому образованному не верить. Так и жить.

Враг то нашими жилами пообмотан, не доторкнешь. Чужая жила крепкая одежда.

У нас баринок был, земский наш. Какими бы словами его назвать—не придумаю. В самые последние дни, почитай, в зубы бил. Думаю, прибьют его на смерть. Такую гадюку средь хорошей жизни пустить грех: ужалит.

А будет такое, что не по силам неученому. Вот тут и придумывай,—самим не справиться, а ученым верить никак не след. Им наша то свобода, только в басенках родня.

Куда барин—туды и ты. Просто ни на минутку от него не отбивайся. Не доглядишь,—нору пророет, вся твоя изба, да тебе же на голову.

Баре редко животное томили. Промежь барами да животными наш брат, рабочий, на оттяжке стоял.

Первое дело,—сладко ел, мягко спал,—ему желчь не на чем кипятить было.

Весь я у него в кулаке,—сожмет, изо всего моего семейства кровь выточит.

Вот есть такие философы, велят душу попрятать, обидой не обижаться, самим с собой удовольствие получать. Эдак хорошего не дождаться. И от думок таких только что хилеют, вроде как самому без бабы любовью призаняться.

Здорового не жди. Нет, как кто тебе на голову, ты того по шее. Пусть философы терпят, им в тепле да холе всякое перетерпится.

Нас до теперешнего не философы довели, мы их и не видывали. Немец нас войною довел. Смерти повидали, и на жизнь поглядеть захотелось. Вот и вышло.

———

Эх, малина-ягода,
лесная душистая,
не на час, а на годы,
господ пообчистили.

———

Мы то дикие люди, а ты бы господин, походил бы по нашему, по дикому, с нищеты, голенький, да душу то свою господскую через наше дикое то житье пропустил бы, не такие бы еще грабежи, да убийства устроил.

———

Мы добрые, мы вон и тех не бьем, что по нашему телу живому, словно по мосточку, на веселые бережка хаживали.

———

А вот как с людоедами будет со всякими, неужли страшного суда ждать. Думаю сами поразберем.

———

Не в такое, брат, поручик,
теперь времячко живем,
чтобы всякий белоручка
изсосал солдат живьем.

———

Порешили целой ротой
офицеров на работы,
чтоб не было опечатки,
поскидайте-ка перчатки.

Кто как, иной за скота, другой за цацу считал. А какие мы есть настоящие, то им не по глазам было. Теперь очки понадевали, да поздно.

Теперь по иному надо. Это кто под ногами, тот и в пятку зубами. А коль на ноги стал— добреть стал. Теперь господ попригнули, их и побережемся, а нам с горы то виднее.

Так то мы мягчим, мягчим, как бы не промазать дело. Как враги стакнутся, по старой путине толкнутся, тут костей не соберешь.

Ишь ты, дитятко беспомощное. Борода лопатой, а ума кот наплакал. Недаром вас, таких-то, начальство все от зубов очищало,—что это, мол, за спеленыши со зубами,—да и хрясь.

Казамат Ревелин
большой был господин,
была там прежде грязь,
что ни голова, то орел, да князь,
а теперь там чисто,
Сидят царски министры.

Уж и тот толк,—переполоху большого понаделали, из перин вытрусили, косы да штучки разные пораскидали. С год сытая братия помнить будет, так и то дело.

Офицерик лежебок
стонет голубочком,
по камешкам без сапог,
в шелковых чулочках.

Горды они больше амуницией. Теперь все эти погончики да бантики приотменятся, и они спеси поспустят. Кабы не об штучках всяких они пеклись, не так бы их легко свалили.

Как повели под арест генералов, здорово мне чего то стыдно стало. Не то, что таких нежных поволокли, а то, что эдакую то гниль мы по сю пору покоили.

Бубнит чтой то себе под нос, думаю, неужто ему свобода не по душе. А как глянул я на ручки его белые, на фиксатуары разные, и прояснило. При нашей то свободе не гореть ему больше голенищем.

А я так и не рад: хотя, конечно, лестно, что без начальства. Только жду, когда свой брат в начальство выйдет, заботился чтоб.

Чики брыки, так и быть,
нам начальства не забыть,
живы будем не забудем,
а умрем с собой возьмем.

Закурил я папироску, ноги заломил, а его перед себя поставил, на него бровью грожуся. Стараюся по его делать, не выходит. И этому делу долгие годы учиться надобно.

Сам бьет, сам и радуется. Только и слышно бывало ха-ха-ха, да хи-хи-хи... Теперь призатихнут...

Уж там так ли, аль не так ли,
а хорошего мы ждем,
офицеры пообмякли,
будто куры под дождем.

С'ездил он, вернулся, не узнать. Не то, что не лается, а глядит на тебя по иному просто сказать, как барышня на нас щурится. К себе зовет, книги дает. Поверите—„вы“ разок сказал. Цельную я ночь не заснул от удивленья.

С войной мы порешим на этих днях, поэтому и не глупо офицеров убрать. А кабы на всю жизнь война, так не все разве едино, кто над тобой такую муку делает.

Поменялися местами
с нашими злодеями,
за начальство стали сами,
пользы понаделали.

Заскулят теперь белоручки, заохают. Даже вшей самим вычесывать придется.

На моей памяти, так только пиры пировали, а мы на ржаном квасу пухли. А при отцах, дедах, так просто кровь крестьянскую нашу под розовые кустики лили. Пусть-ка наши дети на эдакие памятки не любуются. До чиста снести надо.

У богатых все по иному шло. Мальчонок учат хорошо, хоть и не настоящему. Однако выучивались очень охотно на простом на человеке верхом ездить. А барышни одному рукодельицу учивались,—до поту хвостом вертеть.

———

Теперь у нас вещей много будет, а в счете мы не сильны. Ученые вон как считывали, звезды в небе на счету держали, а и то не сберегли.

———

Уж и не знаю, учить-ли. Наши баре до нитки все выучили, а до того себя довели, последний золотарь над ними теперя измывается.

———

С пеленок за книжкой, с переуки до затылка облезли, а что с них вышло. Чина, так и то не сберегли.

———

Омозжавелились они от баловства разного, вот и не берегли. Мы то поцепче будем, не вырвут.

———

Был он чудак, вроде как юродивый, а в сертучке. Ел он постно, спал жестко, все его на простоту тянуло. А из всех ихних нежностей, только книжки любил.

———

Лотошился муравей сколько то ден, а потом охнул, кругом себя желчью намочил, да и лег на на солнышко брюхом,—пусть, мол, теперь другие поработают, а я мир устроил. Старатели.

——

Товарищи прикатили
на штабном автомобиле,
про свободу рассказали,
всем начальствам отказали.

——

Дадим барам порцию.
во свою пропорцию,
на колу нам тесно,
отдавай, брат, кресло.

ВЫБОРЫ И ВЫБОРНЫЕ

Коль мозгами шевелит,
это будет большевик,
коли мозгу вовсе нет,
прозывается кадет.

——

А который выбирает,
вовсе партии не знает,
ему партьи все едино,
только б войны прекратили.

——

Всему начальству штаны штопал, слова от него не слыхали. А теперь самый у нас первый говорун, „мыста, да выста“. А если дело понять, такого выбирать не за что. В подпольи то и мышь геройствует. А ты нам таких выбирай, чтобы и при коте не потели.

——

Вон повыбирали больших людей, образованных,—один путей сообщения, другой земледелия, тот торговли, тот финансы. На все страны известные люди. А наш то мужик: сам и дороги торит, и землю строит, и торговлей займается, и суд чинит, и войну ведет и с женой и с соседями, а теперь и с немцем. Один за все за привительство отвечает.

——

Повыбирали мы комитетчиков, а кто их знает, какие они за нас ходоки. Вон, говорят, в Питере один такой от солдат царя назад просил. Всем бы народом глядеть.

——

Ох, и тошно мне, дружечки,
комитет обуза,
полсапожки на шнурочках
по самое пузо.

——

Комитет болтается,
по всем фронтам шляется,
лучше б бар не корчили,
скорей войну скончили.

——

Слышать противно, как лодыри теперь рассуждать приучились. Поставь такого-то в управление,—коли добер, так по себе судя, работу похерит

на вовсе; а коли зол тот ледащий, так кого ни то в палачи произведет, а сам глаз заплющит, да на бархатах новых и разоспится.

———

Ну и мы не дураки, людей то различать можем. По этому сомнению книги будут выпущены особые, в тех книгах большой урок будет,—каких людей в управление выбирать.

———

Я сны теперь стал видеть особые: будто я всех рассуживаю, или землю, да дома отдаю. И так будто это с прохладцей, что теперь, думаю и в яви не потеряюся.

———

Ты от меня голоса не жди, не выберу. Мой голос за того будет, что от дела отвалившись, и снов с устали не видывает.

———

Уж ты Митя—Митенька,
не ходи на митинги,
как нам не охота
за тебя работать.

———

Невдомек мне, вдруг меня выберут за приятельство, характер хороший. Я же все в уме держу, а ум то чужому уху немой.

———

Батюшки, матушки,
спелы груши, виноград,
как поехал ваш сыночек
депутатом в Петроград.

———

Барышни, красавицы,
до свидания,
как сижу я во дворце
в самом здании.

———

Уж так то я рад,
выбирают в Петроград,
уж я там мальчишечка
буду князя чище.

———

Им хорошо, самые важные дела делают, свободно туда—сюда раз'езжают. А нас, небось, целой то частью в Питер не пошлют. Вот мы и снялись сами.

———

Из простых многие теперь в лодыри подадутся. Особенно, которые говорить горазды. Слов нет, ихние разговоры на пользу; да только языку работа минуточка, а в одну такую минуточку, на всю жизнь руки нежнеют.

———

Выборные которые, уж и теперь за разговорами на труд времени не имеют. Пока то только, что себя запускают; а чужими трудами не живут. А вот вызвонят языком места хорошие, как бы тоже немых людей не пооседлали.

Депутат надежа
слова бабие,
на войну бы сам пошел,
брюхо слабое.

Забубенная головка
ты солдатский депутат,
язычком то чешешь ловко,
а до дела так не рад.

Я некоторых теперь очень уважаю. Не пошли в выборные, с нами остались, и пустякам не учат, а все наиглавному,—чтобы судьбы своей в чужие руки не отдавали.

Что то не припомню, чтобы наша деревня в Думу выбирала; может в ту Думу повыбраны мужики, только богатые; такой нам Думы не надобно. Надежды не имеем, нам свою подавай.

Думе не верит, там, говорит, каторжники есть. А и всего то там и ладного, что с каторги. Те хоть не холены, нашу тугу видят.

Не даю я, братцы, веры
петроградскому эсеру,
на войну смущает,
землю обещает.

Эти, что в Думе, люди настоящие. Один за ними грешок есть—помещики все. А помещику до мужика рядом не стоится. Все через управляющего дорога.

Насажали в Думу бар,
а нам баре тот же царь.
В Государственную Думу
насажали толстосумов.

Эх ты Дума-голова,
а мозгов не видно,
приказала воевать,
солдату обидно.

Теперь много здесь проявилось людей подходящих. Эти на сладкое не ласые. Все до конца раскусили, никого, кроме рабочего человека, у власти не захотят. Этим верю.

———

Стану я голосовать
в учредильню выбирать,
выберу товарища
со нашего пристанища.

———

Здесь война покончилась,
господа покорчились,
а солдатский депутат
по домам ведет солдат.

———

Я тому теперь поверю, кто мира даст. Рядом то с войной все обман. И то, и се,—а самое то главное напоследок. Этаким то верить не приходится.

———

Депутатик большевик,
самый лучший боевик
с немцем не воюет,
других врагов чует.

———

Ах и ох, не дай бог
агитатор без зубов,
вкруг солдата кружится,
а с начальством дружится.

———

Наварила баба щей,
соли недосыпала,
на солдатскую на шею
офицеров выбрали.

———

Почну щеголять,
сапожки дерутся,
в комитет поручички
нипочем берутся.

———

Анамедни в Станиславов
сам Керенский приезжал,
ему нужно войны, славы.
аж от жалости вижжал.

———

Ты не слушайся, ребята,
приезжего депутата,
на войну он нас зовет,
а сам в Питере живет.

———

Эх, какого бы министра
на финансы посадить,

больно на руки не чисты,
как за ими уследить.

Царские министры
на руку не чисты,
мы на русскую казну,
мужичка дадим Кузьму.

Как простой то народ
к рукам казну приберет,
покатятся рублики
по рабочей публики.

За сохою ходил,
на войне геройствовал,
в депутаты угодил
за хороши свойствия.

Принимаем всяки меры,
чтоб не выбрать офицера,
думай эдак, думай так,
офицер солдату враг.

Как на свете лучше нет,
как фронтовый комитет,
каждый комитетчик,
за солдат ответчик.

Постыдитесь, ребятушки,
не ходите франтами,
вы не прежнее начальство
с эксельбантами.

——

И чего ты, депутат,
все карячешься,
коли хочешь воевать,
чего прячешься.

——

Эх товарищ-выборный,
стал ты нам невыгодный,
язычек болтается,
война не кончается.

——

Депутатики
говорливые,
а солдатики
все трусливые.

——

Выбирайте, братцы,
кто во что горазды,
хоть и выберете зря,
а не будет злей царя.

———

ЧЕГО ЖДУТ,
ЧЕГО ХОТЯТ,
И ОБ НАУКЕ

Коли станет топор,
словно девица добер,
не ждать с того топора,
ни работы, ни добра.

———

Я думаю,—обидят нас. За себя мы стоять только что сгоряча умеем. А простынем, и обидят. Себя на наших трудах устроят. Рубит, мол, топор лавку, а сам под лавку.

———

Не то мы темны, не то мы буйны, а не жду я мирного житья. Как бы нам с войны то вернувшись, между избами бою не устроить.

———

Теперь я перво-наперво хочу поспать. С трудов маленько отдышаться, попить, поесть вдосталь. А потом красоты затребую, и чтобы люди друг дружку уважали.

———

Теперь опять вот учат, труды, мол, радостны, и отдыха желать не след. А мне одна радость, труд с плеч сваливши, за всех дедов—отцов отдохнуть, отлежаться.

———

На одно я теперь в надежде, что заметил я,— труд не в труд, коль на свою пользу работа. Теперь такое время. А прежде бывало от работы зубом весь болишь, а вся твоя польза по чужим мошнам.

———

Залюбим труд, как кругом свои да братцы жить станут, а не дармоеды стародавние. Как на родное семейство работать станем.

———

С войны вернувшись, думаю, всякая кобыла в хомут копытом. Шеи не сунет, нет. А уж мы-то. Вот тут и работай как знаешь.

———

Думаю, устроим жизнь по иному, и животному легче вздохнется. Нас отпустит и мы поотпустим. А то срываем все болячки на рабочем коньем хребте.

———

Долго еще по старому жить будем. И нищи и неграмотны. Только, коли уж вытянули мы головы из под барской з....цы, назад ее не сунем, нет.

———

Ведь вот я и не знал раньше, как хорошо живут богатые. Здесь вот стали нас по чужим домам становить, я и нагляделся до чего хорошо, и сколько всяких у них вещей на полу и по стенам и даже насквозь вещи дорогие, лестные, и очень ни к чему. Теперь и я так заживу, а не с тараканами.

———

Чего нам на господ удивляться, коли свой брат, простой, от нашивки там какой-нибудь,— просто на нас волком кидался. У господ же не одни нашивки глаза мутили.

———

У нас и к картинам тоже способные есть. Только не про то писывали. Вон у нас Алешка богомаз, так у него бывали святые, хоть ликом и темны, за то глазом по живому зорки, ажно страшно.

———

Некогда нам было все эти красивости делать. А теперь так и ни к чему, ихнее позаберем.

———

Я прошу в театре показать, как мы прежде жили. Все эдакое. А то в новой жизни старое перезабудется, и не поверят дети наши, какому мы Горынычу голову посносили.

——

Мне не обидно за старое,—было и было. Только вперед с собой такого обхождения не допущу. Коли придется, лучше в омут головой.

——

Вот тоже ходят по домам, ровно пекутся о людском покое; а эти ходят, да часы разные за собой уводят. По этим людям хорошего трудно ждать.

——

Чего теперь шептать.—Повернем мы пушку на соседний хуторок, по помещичий хлебок.

——

Прибери, солдатик, пулю
до другого разу,
на мужицкую войну
Дожидай приказу.

——

Теперь коли и быть злому, так с плохого ума, а не по корысти. Нет царя, нету и прихвостней. Строй избу семейную, да и работай миром.

——

Вот так то и поразделятся теперь,—кто устал, грязь разводить стал,—а кто силой богаты, те грязь-то лопатой. Вот этак то и передеремся.

———

Как бы не передраться, да не очень в равных силах. Кто постарше, тот и послабее, ворошить-то и не хочется. Молодни же в народе сколько угодно. Эти подымут суету.

——

Кабы седой был, али брюхо по колени, а то мужик ты в самой поре и поджарый. На кой тебе печка. Потолкайся, брат, плечиками, авось детям легче будет.

———

Пока что только язычком работают. А вот войну кончат, по разным местам разбредутся, всякую пересадку сделают, все и сдвинется.

———

Раскипелся самолет,
пуще самоварища,
как наш летческий народ
никаки товарищи.

———

Высоко летчик летает,
никаких забот не знает,
самолет по небу вьется,
над пехотою смеется.

———

Приспособим летчика
хорошего молодчика,
по солдатскиим по планам
потрудиться еропланам.

——

По всем заграницам,
полетит он птицей,
там перебратается,
да до нас вертается.

——

Только добывать вместе, а уж беречь,—так только в своем дому, для семейства.

——

Что мне за радость, со всеми добро делить. День хорошо, два хорошо, а на третий захочу без помехи дорогим любоваться. А тут то и запрет. Куда лучше, хоть и плохо, да свое.

——

Ровно ворона, туды зырк, сюды зырк, да дырявую жестянку под з....цу задвинет, и думает,— ах, сколь я богата.

——

Коню, чем узда короче, тем он красивее шею гнет. А человек в укороте горб растит. Потому мы и невидные такие. Погоди, теперь выпрямимся.

——

Ты не гляди, что я в плечах широк. А осанки во мне нет. Из господ на воле всякий хлюст тополем рос. А мы все в наклон. Теперь очень покрасивеем.

———

А ты в зад подушку, в чуб перо кочетино, раскрасавицей прогремишь. Есть в чем завидывать.

———

Подтяни, товарищи, пояс,
про утробу беспокоюсь,
стали мы свободные,
станем мы голодные.

———

Эх ты, книга, барышня,
по богатым шлялася,
ты покинь, книга, богатых,
погости-ка с нашим братом.

———

Для нашего брата книга да работа,—пара хоть куда.

———

Много книжек в городу,
да мною не читано,
я себе таку найду,
наше горе считано.

———

Конечно, есть такие, что обо всем книжными словами говорят и по книгам все теперешнее понимают и раз'ясняют. Только вряд ли они лучше нашего поняли. Мы до всего этого не через книгу, через жизнь нищую добрались.

——

Мне совсем не нравится слушать про теперешнее, непонятные книжные слова. Слушаешь, слушаешь, а все невдомек,—про самое ли нужное говорят; как бы туману не напустили.

——

Про все можно просто сказать: допекли, поднялись, свое берем, за зло и добро платим полной денежкой, а ждем хорошего.

——

Теперь наука ни к чему, теперь смелость нужна. Темному то легче не страшась, да не видя, наше море переплыть.

——

Ничего ты не расскажешь,
хоть учи по книжке,
частушечка всем покажет,
солдатские делишки.

——

Всего не переменишь, ни солнца, ни месяца, ничего к старине касательного. Вот и выходит, что человек-то в своей жизни не на все голова.

— —

Голова человек во всей своей жизни. Выучившись и солнце и месяц повернуть можно. Когда хочешь дождь, когда хочешь ведро. С науками надо всем твоя власть.

— —

Эдак-то подумавши всех прежних ученых извести надо, чтобы такой силы против нас не обернули. Только сперва надо у них понаучиться всему.

— —

Учились землемеры, инженеры разные, как-бы на нашу пользу. А выходило так, что только нашими трудами перинки свои выколачивали. Сами теперь все науки нужные осилим. Наша будет власть, и казна наша будет. Наша будет казна, и учить нас хорошо станут; а потом поквитаемся.

— —

Не знаю я, где и учиться нашему брату простому, особенно недоросшему. Нам все внове, все примем. А ты посмотри, каких округ нас злыдней та наука выкормила.

— —

Думаю, не раньше как с правнуков наших, обученый простой станет вокруг себя вреден. Раньше то не забыть своей туги, и чужая с того видна будет.

———

Теперь хочу дома все наладить, чтобы покрасивее жить. Картины и всякое возьму, на них дети поучатся.

———

Учиться нашим детям нужно по иному, не по барскому. Всякий на свет чистеньким приходит, да вот через науку выучивается, чужую то шкуру себе на одежку драть.

———

Нам наука не страшна. Наше житье такое было, что всякую науку перетерпеть можем.

———

Когда я читать стал, ничему я плохому не выучился. Нашему разуму плохие книги не понять.

———

Деды не учились, а добро видели. И живали не плохо. Семью подымали и подати. Жили же, бывало, до ста годов.

———

Дуб стоерослый и до тысячи годов живет. Так не бывать же человеку дубьем, коли у него кровь в теле, да мозги в башке. За деда спина его ответчица, а мы и сами за себя постоять сможем.

———

Кабы к нашей доброте ума-разума понадбавить, хорошая бы тюря вышла.

———

Ты читай теперь поболе. Мы дело свое сделали, передышка будет, от века так поведено. Вот ты в отдых то читай, ума набирайся. В книгах и дерьмо есть, а больше наука.

———

Теперь книги запрещенные по рукам пойдут. От них все дело узнаем. Не даром их царь запечатал,—правду знали.

———

Звезды на небе сияют,
стало людям веселей,
парни с девками гуляют,
на лужечке при селе.

———

Не зевай, братцы, на месяц,
звездочек не считай,
лучше свечку призажегши
нову книжку почитай.

———

Буду учителя хорошего искать. Эдакие-то мы, не только что строить с толком не сумеем, а и того невдомек, чего рушить следует.

——

Как в люди отдавал, сказывал мне отец: —иди, сынок, в люди, всему учись, больше всего книгам. А людям не верь, кроме человека рабочего. Этот и на смуту позовет, так все для тебя же.

——

Все теперь можно смотреть, только хитить не приказано. Надо бы всякие вещи, очень хорошие у богатых взять, да никому не отдавши, всему народу показывать.

——

Думать теперь нужно обо всем, что под рукой. На небо же не заглядываться. Там свои обдумыватели найдутся. Ни им до нас, ни нам до них, всякий на своей земле печальник.

——

Ты сам устрояй, не гляди, что не умен, книги не знаешь, трудам-нужде с прадедов обучен. Нашему брату такие то теперь понадежнее будут.

——

Коли так думать,—сгинем в темноте. Ученых ты не гони. Пока их по хозяйски поберечь надо, от них учиться то.

——

Силой свет обойму, умом ничего не пойму. Все—на чужой голове, да своим горбом. Этак-то и человеком счесться нельзя.

— —

Пошевелить мозгами можем, жернова то у нас есть, а вот что на них перемалывать,—не выучены.

— —

Мы то, словно целина черноземная,—все уродим, только бы сеяли.

— —

Попаду в гимназию,
увижу разну Азию,
попаду в ниверситет,
оглянусь на целый свет.

О БОГЕ, ДУШЕ, СЕМЬЕ И ЖЕНЩИНАХ

Не думал я, что с царем-то так по просту. Все, бывало, и сказки то громом грозилися. А вот и вышло. Может эдак-то и господа бога попроверить можно.

Куда глянешь,—все грех. А теперь начальство на нас без палки, значит и бог не того хотел, что сказывали. Это еще очень обдумать надо, да времени нету.

Я ли не терпел, не маливал, все на бога возлагал, после смерти за долготерпение счастья ожидал. Однако в последние часы до того готов был, совсем от церкви отпал, хоть дьяволу душу в пору отдать. Теперь я человек, а после смерти не моя забота, я жить выучился.

Ты бога оставь, пусть его себе на небе сидит, это теперь не первой важности занятие. Ты страну нашу присмотри. Только сопливость свою помни, а то ахнешь в министры, так только одной думкой и прогремишь,—ставьте, мол, трактир, на весь на мир, всего то и занятия твоего до сей поры было.

Сидел господь высоко, на людскую тьму глядеть не любил, живите, мол, как придется. Мы и обиделись,—ты без нас, так и мы без тебя. И справились.

До чего у месяца лицо не спокойное. Губы скисли, глаза врозь, что про это знаешь. Много из-за месяца, словно не в себе, тревога от него. Видно судьба у него не всякая.

Словно месяц жабу проглотил. Жучат его верно. И там не без греха да наказаньица.

Все в такое время прояснило. Не за грехи наказанья были, а за послушание. Вот теперь за грехи будем наказывать, так то мы, а не бог.

Ежевоскресно меня в церковь водили. Бывало учадею там, весь осяду, дня три голова болит. Строжили меня насчет веры родители. Только раз ко кресту я сунулся,—от батюшки винный дух. Морок, думаю. Потянул ноздрей,—и пропала вся моя вера через нос.

А я веру потерял, женатый уж был. Жена к празднику убиралась, икону сронила, а икона пополам... Кинулся я подбирать, аж трушусь весь из за страха, из за греха. Поднял, глянул, а в щели той черви. И полезла из меня вера моя, аж тошно. Рвать стал. И с тех пор, кроме доски росписной, ничего я в образе не вижу.

Бабы верить здоровы, бесперечь от монахов рожают. Вот мужья то и в обиде на веру бабью, а то бы все ничего.

Ходил, ходил по святым местам, всю веру растерял. И не диво. по пути мужичья беда беспомощная. Богу с той бедой не справиться, человечья порука нужна.

Душа да душа, а душа только по жизни дается, как жить станем. Помыкали нами, не ху-

же как тварью бездушной, а вот теперь, думаю, добудем мы и души.

———

Пошлем хожалых знающих скиты попроверить. Есть скиты, что иноки, словно жеребцы стоялые ржут да играют. Эти монастыри в кавалерию перегнать, а деньгу ихнюю на корм лошадиный.

———

Сказать, все переменится, и жизнь слегчим, и учиться станем, и иностранцы уважать станут. А вот как насчет церкви, за кого маливалась, на чьих деньгах строилась, все иное. Хозяев переменить ей придется.

———

Думаю, бог не причем. Думаю, бог нашими делами и не займается. Думаю, богово дело одно,— твари творить, и все творить. А уж жить как, то ни его забота, а каждого.

———

От богов отпадут, кто богов пересилил. Дал ты нам судьбу одну, а мы переделали. Так и проживем одни.

———

Да и те отойдут, кому хуже стало: за боговой спиной ручки свои выбелили, ан, и не досмотрел господь. Очень на него сердце иметь будут, что не уберег.

———

Бог то ничего, только доходчики то наши больно плохи были. Только что грива густа, да ж..., толста. А тот же боров. Последнее несчастье презирали, а богу басом ревут, да от сытости в алтаре рыгают.

Строгой жизни, всегда постил, милостыню правил, много и даром служил, почитали его. Да видно никакие они теперя не ко двору. Ну как ему в глаза взглянешь, коли все то мы присяги сломали. А знаешь, что правильно.

Вот уж сколько то дней без богов живем, и ничего, будто, лучше будто. И дальше попробуем. А уж внуки то наши и знать не будут, какую мы от богов острастку терпели.

Не хочу я без бога жить и не стану. Отменят, я себе своего заведу. Легче как будто, как знаешь, что не на двадцать лет стараешься, а на веки веков.

Заводи бога в кармане, никому не показывай. Мы так и так знать будем, что на веки веков, да не на богов работаем, а для всех людей.

Не выдумали ли еще господа то, чтобы по закону им на первых местах сидеть, вот что подумать надо.

Простой народ и теперь писать не мастер. А в старину то и того меньше. Все эти писания важными людьми написаны. И еще очень неизвестно по правде ли. А что не на нашу простецкую пользу, так уж это чего яснее.

Может и Христос то не плотник был. Насочинили такое, чтобы по послушливее были; свой, мол, брат говорил.

Все кричали „распни“, один царь Пилат не захотел. Это тоже как понять, может он своему мирволил.

И бог и царь то бывало на престолах в грозных молниях сидят. Вот и держались мы за гнезда насиженные. Ну ее, жизнь то вольную. Того и гляди коршун закогтит. А теперь коршунье по клеточкам. Чего теперь человеку в навозе тепла искать, для него теперь и солнышко работает.

Мы теперь, ребята, все как бы бог какой. Сами жизнь сотворили, да еще скорее божьего. Будто бы в три дня.

Теперь надо ожидать,
что все переместится,
мужики почнут рожать,
а парни невеститься.

Затрещат теперь семейства. Не слепить детей с отцом-матерью, мужика с женою прежнею. Выйдут на новую жизнь одинокими.

Все теперь такое будет по иному. Не мила стала, другую бери. И так до трех раз. А коли и в третий раз не мила, больше в брак не позволят. Значит, через гнилые глаза смотришь, коли все не в угоду.

Другое нужно, по иному. Кто его знает, хорошо ли это еще на самое укромное связи ложить. Может оно посвободнее то лучше будет, коли люди не кобели.

Жена нам теперь нужна иная. Чтобы старое не поминала, не клохтала бы над малостью клушкою. А где у нас такие.

Вся то маята бывало на бабе. И житье наше дремучее, и побои то, и дети то, и обиды всякие, — все на ней. Как бы нам такой бабе геройской новые глаза присадить, лучше бы и не выдумать.

———

Как для всех товарищей
наварила мама щей,
я до мамы захочу,
перемирье заключу.

———

А я тебе сказку скажу,—была семейная баба, и до того, семейство свое блюла, что из избы не вылазила. Пока семейство то поднялось, кругом жизнь стала иная, да новая, дома каменные повыросли. А как вошла семья в совершенные лета, изба то бабина сгнила, да семейству на голову и села. Так и Россия наша матушка, все дома кашу варила, а Европу и проглядела. Как бы не поздно.

———

Ах эти бабы, в ногах путаются только. А теперь то ее не то что ударить, а и словом зашибить нельзя. Теперь свобода для всякого народа, — и жид, и жаба, и мужик, и баба.

———

Как бабушка Секлетея
вокруг света облетела,
всего видела не мало,
а такого не видала.

А такого не видала,
что у нас во Питере,
как у нас во Питере,
всяку слякоть вытерли.

Стало нам невмоготу,
сняли слякоть—мокроту,
вытерли—повынесли,
сами на свет вылезли.

Теперь, думаю, перерядится женщина в одежду иную. Юбке то и дела не видно, все больше штаны работают. А любоваться то и некому и некогда. Кудри состригут, ножки в сапожки, папироску в зубы,—гуляй через всю землю, не запутаешься.

Эх, как жалостно,
где-ж то видано,
на простой бабе женат,
невоспитанной.

Женщина у меня будет, цветок роза. Сама светла, платье на ней голубое, голос тихий, вокруг нее чистота, аж блестит, смех у ней голубиный.

———

Пойди, паря, к вельможе в тягло, может он тебе под такую кралю, за твое послушание, теремок распишет. На свободе розан-то попримнется.

———

Вряд ли такой-то бутон с тобой на панели спать станет. А наши дома теперь под фонариками.

———

Не шлюх же брать, коли нас судьба в такие годы на земле застигла. Вот тут и придумывай.

———

Нам теперь жена
образована нужна,
с прежней женкой разведусь,
с гимназисткою сойдусь.

———

Коли настоящая за меня не пойдет, на бабе необразованной не женюсь. Потерплю. Выйдем мы в люди, пообтешемся, может и приглянусь какой нибудь деликатной. А то к детям лучше козу приставить.

———

Хорошо ты о матери думаешь. Всякую честь забыл со свободой. Верно, в жены брать новых придется, по времени. А я еще больно не узнал, какие лучше.

Кабы крылья прицепил,
упорхнул бы пташкою,
по театрам бы ходил
со своей милашкою.

Как надену я тужурку,
да пресветлую,
полюблю себе Машурку,
да вот этую.

Закручу ус колесом
горячими щипчикам,
да с милою во лесок,
в кружевном во лифчике.

Зло такая баба, ровно клещ бешеный. На месте прыгает, слюною брызгает. Из-за бабьей мешанины, как бы нам под кнут не запроситься.

Разохались бабушки,
охи-ошиньки,
как ихние внученьки
слободнешенькие.

Эх ты, тетка Аксинья,
Пожалей свово сына,
коли царь не удохнет,
на войне сынок усохнет.

А девок прежде и рожать не стоило. И бить то ее не к чему было. Дитятей девка хила, не работница. Выростет, тут бы и запрягти ее в тягло, так мужу отходит. И хлеба своего не отработает. Не любит девок деревня. Как то теперь станется.

Наши девушки не долго цвели. То с нужды-работы вянет, то с грубости, да побоев сохнет. В новой жизни не перчаточки шить, а волю—красу девичью поберечь надо.

Не учили наших девушек господами брезговать. Боятся, баивались, а приблизиться лестно. Вот и гинули. Небось господска барышня с пеленок выучена от простого человека подальше, хоть бы он тебе соколом ширял.

Мы то тоже девок не берегли. Озорники мы с недоуки, да с силы работной. Вперед то и не глядим, бывало, чего там увидишь. Теперь побережливее будем, как вся то жизнь перед нами.

Девушек надо учить и уму и красивым разным пустяковинам. Не хуже барынь женки станут.

Вот так то баб и припортили себе на потребу. А уж барские то жены и головы то только под шляпкой носят, ни для чего другово.

Все равно учи не учи, мы себе красивеньких брать будем. Ум в бабе ни к чему. Ум то и в мужчине есть, да еще и помудренее.

И не красивых брать станем, коли она тебе товарищ в новой жизни будет, да над большими теперешними делами не плакальщица.

Не пойдет за простого такая. Ей беседа нужна, и всякая смелость. Чтобы и дело и разговоры. А то бы такую, хоть бы безносую взял.

Самая наша расхорошая жена, за безвыгодное дело, разве что не пиявит. И все ей пустяки, кроме хозяйского. Всех мы жен переменим, вернувшись.

———

Моя милая, хорошая,
рассвободная,
как нам прежнее житье
неугодное.

———

Над бабой особенно барствовали. Грязь уберет, брюхо им набьет, горшки выносит, деток ихних носит, барыню чешет, барина тешит.

———

Коли все теперь твое,
по новому говори,
до барышень подкатись,
может что и выгорит.

———

Барышне свободной
здоровый угодней,
а ихние паничи,
потощее свечи.

———

Я бар теперь ни в чем не прощаю. Только женщин ихних люблю за деликатность и образование.

———

Ты это не в деньщиках ли на таких дам понагляделся.. А сказывали, что барыни чуть не матерно с деньщиками деликатничали, да даже по щекам поглаживали. Многие зубов лишилися.

Не для тела, для души
ихни девки хороши,
долгозубы, да тощи,
а полненькой не ищи.

Женился я не больно охотно, гулящий был, а для деревни бабу взяли. Почитай, и я видал то ее разов десять. Так, заместо скота рабочего прикупили.

Уж как наши бабы
головою слабы,
им свобода словно зря
зажалели царя.

Уж вы девушки,
уж вы прелести,
ожидайте нас домой
в скором времени.

Сидит она под окошком, шьет, а глаза на окно наводит. Зырк, и приманила. У бабы в глазу и невод и наживка.

——

Эх, какую бы принаду
красным девкам положить,
кабы знать, что девкам надо,
стали б весело мы жить.

——

Моя милка на крыльце,
брови ниточкой,
Я с румянцем на лице,
за калиточкой.

——

Прежде, ух, баб я любил. А с революцией, хоть бы их и не было, всякую незамечу даже. Все то, я думаю, как бы мне теперь какого нито случая не просмотреть. Не до баб.

——

Уж такой я гордый
дал милой по морде,
на солдатской ты квартире,
не путайся с командиром.

——

О бабье теперь с дедушкой на печи побеседуй. А нам теперь не до перины, попроснулись будто.

Кончено, бабье дело, нам товарка нужна. И с букварем родить можно.

Коль цари свалилися,
сразу все сменилося,
девки косы выстригли,
в революцью выбегли.

О СКАЗКАХ, СЛОВАХ, СТИХАХ И ПЕСНЯХ

За прибаски-песенки,
братишку повесили,
а как петлю затянуло,
все народы потянуло.

За хорошу книжку
повесили братишку,
за братишку всем народом
мы добилися свободы.

Слова сказать боялись, все присказками. Дела никакого простыми словами не об'ясним, а сказками про что хошь расскажем.

Присмотрела себе машина хозяина,—на, говорит, вот я, пользуйся. И давай машина работать, а хозяин ее умасливать. И так сколько то времени. Отсытел хозяин, выгоду получил, жирком затянулся,—только и работы у него стало, что спит, да со сна пальчиками шевелит. За те сонные пальчики и зацепила его машина.

Прежде я все, бывало, сказки слушать любил,— не сказывай ты мне про жизнь теперешнюю, обрыдла она мне до последней горечи.

О полуночи вылез ему из сена дедок с вершок, говорит,—я мудрый, коли кто в праздник спит, а в будни работает, я тому, говорит, веселые времена предрекаю. Быть времени, перемесится на белом свете горюшко со счастьем. Теперь спор идет в каком народе кому жить. И быть счастию в рабочем народе.

Лег у пню, головой к корню, и слышит, конний топ, идет под землей конница, такие слова меж собой говорит,—лежит, братцы, кто то такой, к земле брюхом, к нашему следу ухом. Хочет от нас науке учиться, про землю понять. А мы что за учители. Такой же народ темный, только что

подземельные. А и все, как все, что у нас во тьме, что и на небе, что и на земле. Одна судьба—по незнаемой указке жить, со смертью кончиться, ничего не пораскусивши.

В чужих руках была наша судьба призажата. Говорить то с оглядкой приходилось. А вовсе не замолчишь. Вот мы сказками и перебивались, бывало.

А я сказки и теперь бы послушал, да не сказываются. Так вышло, что и нам наворожили, без сказки.

Двадцать четыре года на свете жил, да на все удивлялся. На двадцать пятом раз'яснили дела люди подходящие. И было всего то чуда, что рабочему человеку жилось больно худо. Вот его сказочками то и баюкали, чтобы глаз на чужие пакости не продрал.

Давным давно, в лесу непроглядном жил и думал обо всем человек. Кругом звери, как родня. Волки и те не обижали. Додумал свое людям в совет, из лесу вышел, и в первый же денек в кутузке клопов кормил.

Кто стишочки писал,
видно горе не знавал,
какбы часто колотили,
не писал бы тили-тили.

Стали мы его книжки пересматривать. Ну просто ни одной стоющей, все стишки.

Книги нашли у него стоющие, про землю, как пахать и сеять. Были и про пушки. Стишков же, всяких там пустяков, не держал.

Соберутся, стишочки читают, про любовь и всякие разности. Настоящие же люди мармеладничать не станут.

Та-та-та да ти-ти-ти, очень складно. Слова непонятные, а дух мягчит. Вроде как мамины заговорки.

Стишки вещь хорошая, коли самые холенные господа ими вплотную займались. Этих на плохое не потянет.

Стишки люблю, завел всякие переписанные. Звонко, где конец. Сразу знаешь, как скажется, не хуже песни. Только непонятно.

———

Стихи есть понятные, как народу тяжело, про жизнь крестьянскую, про всякие наши тяготы. А где про нежности, так ни к чему. Лучше про это песни играть.

———

Покажи ты мне такого
кто стишки те написал,
как про горе все до слова,
я б такому рассказал.

———

На деревне петухи
горлодеристые,
прочитал в книжке стихи
раззадористые.

———

А я люблю, хоть и не все понятно, а все ни с чем простым не в сравнение. И видно, что на радость и в отдых сделаны.

———

Нужно себе большую роздышку дать, от непосильного отмякнуть, тогда только и простишь стихом любоваться.

———

Я стишки царапаю,
по капельке капаю,
накапаю полну бочку,
приспособлю с бочку точку.

——

И не есть то важное,
что нам не уважило,
рассолодим солодья,
раздобудем соловья.

——

Очень я новые слова полюбил. Только по простым делам не умею я их к слову сказать. Что не скажу, все мимо.

——

Эти слова по новой жизни прикроены—шиты. Поверх лаптей не натянешь. А ты старую то одежку поскидовай, вот и будут те слова впору.

——

А я вот очень не люблю, как неправильно говорят. Трудно тебе—молчи. А не калечь ты слов таких веселых—революция и другие многие.

——

Это все нерусские слова, уху моему не милые, только шалтай-балтай теперь разводить нечего, и торговаться из-за слов времени нету.

——

Путаюсь я в новых словах, словно в бабьем платье,—не привык. А что старых слов не хватает—верно.

———

Наша речь особая, не на воде пузыри. Ученому же речь наша тяжка; как по месту придется—пудом по темени.

———

Надо новых слов не стыдиться. Пока они тепленькие, свежие, в дугу согнуть их можно—себе на потребу.

———

Господа стишочки пишут
соловьины песенки,
а солдатская частушка
воробьина лесенка.

———

Воробышек-воробей,
птичка придомовая,
как солдатская частушка
завсегда про новое.

———

От прибасок-песенок,
стало будто весело,
прибаски сказалися,
пятки зачесалися.

———

Неинтересно про настоящее говорить. Как хорошо не заживи, а все хуже песни.

Спеть бы песню, да слов новых не знаю, а старые не по времени.

Как наша частушечка
подобрее пушечки,
мы от пушки без оглядки,
от частушечки в присядку.

Эх, частушечка,
наша душечка,
что не выпляшем,
так то выплачем.

С чужих сторон,
из-за гор морей,
сорвалась беда горькая,
война всесветная.
Набралась война всяких пушечек,
летучих игрушечек,
важных королей,
людей без путей.

Расползлася беда по всей земле,
язвой вз‘язвилась,
в земли, в житья, в судьбинушку.
Припоставила война по полям народ столбиками,
почала по столбам игрой тешиться,
при забавушке гинет тысяча,
при шутке-игре гинет сто тысяч.
Нагубила беда почитай весь свет,
а всего злее извела русских людей,
что войны русские охотой не любят.
Тут схватился, опомнился великий человек,
повелел себе друзей позвать,
друзей, братьев и товарищей.
— „Вы, друзья, братья и товарищи,
по словам моим все сделайте,
есть я мудрый, неустрашливый человек,
а хочу я, друзья, братья и товарищи,
войну всесветную миром кончать,
русским людям новое житье приначать.
Хочу я с чужих сторон домой повернуть,
мирное житье вернуть.
Только правдою никак мне домой не воротиться,
Ах, пришло нам время изловчиться,
вы ступайте, купите дубовый гроб,
вы сверлите в гробу дырья всякие,
да чтоб было в гробу свет и дыхание,
питье и питание.

А я в гробу том вытянусь,
в гробу том на русские земли вернусь.
Не пустил меня царь живым жить,
пустит в гробу хоронить.
А вы, друзья, братья и товарищи,
в сиротскую одежду приоденьтеся,
надо мной плачучи, со мной ворочайтеся,
на русских землях, за нужное дело примайтеся".

По тем словам сталося,
приехал великий человек в гробу,
зарыли его утром,
вырыли вечером.
И пошел он судить—устраивать,
вельмож смущать,
простую судьбу умягчать,
всесветную войну кончать.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 80 коп.

